

УДК 811.161.1

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Доцент кафедры современного русского языка
и методики преподавания
Усманова Л.А.
Россия, г. Казань, тел. (843) 292-25-73;
e-mail: Usmanova77@rambler.ru*

*Kazan (Volga region) federal university
Assistant professor of modern Russian
language and teaching methods
Usmanova L.A.
Russia, Kazan, tel. (843) 292-25-73;
e-mail: Usmanova77@rambler.ru*

Л.А. Усманова

КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА ПРИРОДНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА¹

Статья посвящена вопросам параметризации и выделения семантических сфер, предполагающих описание индивидуально-авторской картины мира. Работа опирается на постулаты Казанской лингвистической школы об ассоциативной природе языка и речевой деятельности, парадигматических и синтагматических отношениях языковых единиц.

Ключевые слова: ассоциативные связи, семантическое поле, парадигматика, синтагматика, контактные и дистантные связи.

L.A. Usmanova

COMBINATORIAL SEMANTIC OF "NATURE" LEXIS IN ARTISTIC DISCOURSE

Article is devoted to the parameterization and selection of semantic fields, suggesting the author's description of the individual world view. The work is based on the postulates of Kazan linguistic school about the language and speech activity associated nature, paradigmatic and syntagmatic relations of linguistic units.

Keywords: associative relationships, semantic field, paradigms, syntagmatic, contact and distance communication.

Положение о психосоциальной сущности языка, выдвинутое в рамках Казанской лингвистической школы (КЛШ), предвосхитило постановку и решение многих актуальных проблем современной науки о языке и явилось платформой для развития ряда приоритетных ее направлений.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, развивая идеи психологизма, в имплицитном виде опирался уже на системные представления о языке. На основе учения об ассоциативной природе языка он вместе с Н.В. Крушевским, В.А. Богородицким и др. последовательно доказал наличие в языке разных типов отношений: «поскольку постоянное существование языка является исключительно психическим, следовательно, и составные части языка могут быть связаны только психически. Не только семантическая сторона языка разлагается на психические элементы, являющиеся далее не разложимыми представлениями, но и остальные две стороны языка – как морфологическая, так и произносительно-слуховая, или фонетическая – могут существовать в человеческом языке только в виде неделимых, далее неразложимых представлений и их сочетаний. Эти представления ассоциируются друг с другом, группируются в некоторые постоянные и вместе с тем подвижные системы, взаимно вызывают и обуславливают друг друга и т.д.» [1; II, с. 164].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-14-16021а «Волжские земли в истории и культуре России (2012-2013)», проект «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития».

Данное понимание языка как системы «взаимодействий субстанционально выделяемых единиц» [2; с. 36] привело казанских ученых к разработке учения о парадигматическом, синтагматическом и иерархическом устройстве языковой системы и стало стержневым в общей концепции КЛШ.

В рамках данной школы значимым представляется выдвижение на первый план семантического фактора, важность которого подчеркнута в работах Н.В. Крушевского. Его учение закладывает основы теории семантической сочетаемости и семантического поля, которое строится на многочисленных ассоциативных связях. По его словам, «<...> мы не запоминаем и не припоминаем каждое слово порознь, само по себе <...> всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами <...> возбуждают друг друга такие слова, как *собака* и *лаять*, *лошадь* и *ржать* и проч. <...>»; слова «он через улицу лошадь под уздцы» возбуждают в нашем уме слово «ведет» [3; с. 65].

Признавая вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Н.В. Крушевским ассоциативную природу языковых единиц, В.А. Богородицкий указывал, что «слова, будучи знаками или символами предметов и явлений, как бы замещают эти последние, причем называемый предмет или явление может во время речи быть налицо, а может и отсутствовать, воспроизводясь воспоминанием и воображением» [4; с. 104]; «<...> отдельное слово [представляет] целую систему ассоциаций», причем «<...> при отсутствии речи весь ассоциативный комплекс не исчезает, но остается в состоянии ассоциативной связанности, хранясь, как образно выражаются немецкие психологи – «в темном пространстве бессознательного» [Там же; с. 105]. Признание «ассоциативной сущности речевой деятельности» позволило В.А. Богородицкому определить общую тенденцию развития языков – «стремление к экономии духовных сил и удобству памяти, этой хранилища сложного ассоциативного агрегата речи» [Там же; с. 242].

Концепция о принципе организации структурных элементов языка, представленная И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевским и В.А. Богородицким, до сих пор сохраняет свое общелингвистическое значение. Языкознание рубежа XX – XXI веков, переключившее акценты с системы языка на его функционирование, способствовало активизации исследований в области ассоциативных маршрутов слов и обогащению типовых сочетаемостных закономерностей в виде словарных данных. Это проявилось, с одной стороны, в разработке теории валентности и сочетаемости слов (С.Д.Кацнельсон, Л.Теньер, Г.Хельбиг, В.Г.Гак, Ю.Д.Апресян и др.), с другой – в изучении сочетаемостных свойств различных частей речи, прежде всего глагола как конструктивно значимого компонента, а также имени с учетом его дифференциации по отдельным тематическим группам и семантическим параметрам (Н.Д.Арутюнова, В.В.Морковкин, Е.В.Рахилина, Л.О.Чернейко и др.).

Комбинаторные преобразования как важнейшее свойство системы языка рассматриваются в рамках когнитивно-интерпретационной парадигмы, ориентированной на раскрытие сути тех сложных процессов, которые обеспечивают речевую деятельность человека, его способность понимать и формировать высказывания и тексты. По словам А.Ф. Лосева, «<...> всякий языковой знак, будучи системой отношений, черпает эту систему отношений из того или иного функционирования бесконечного источника мышления и может варьировать эту систему отношений тоже бесконечными способами» [5; с. 118]. <...> «Языковая валентность всегда есть бесконечная стихийно-системная интерпретативно-смысловая валентность» [Там же; 136].

При рассмотрении сочетаемостного потенциала языковых единиц, реализующегося в синтагматических контекстах различной протяженности, мы обратились к художественной речи, – дистрибутивно подкрепленного и семантически насыщенного, позволяющего познать неистощимость семантических схождения и расхождения, соединений и отталкиваний смыслов.

В соответствии с современным направлением лингвистической науки, развивающейся в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, рассмотрение сочетаемости слов на уровне контактных и дистантных связей в пространстве художественных текстов определенного писателя дает возможность глубинного смыслового понимания содержания произведения, как «особой художественной конфигурации объективной реальности и авторского воображения, имплицитного сопряжения правды и вымысла», «среды формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения» [6; с. 114].

Благодатным материалом для применения соображений, касающихся дискурсивно-смыслового анализа художественной речи, являются прозаические и поэтические тексты И.А.Бунина как образец классической традиции, отличающиеся огромной силой изобразительности, благородством и строгостью формы, точностью и живописностью в изображении картин природы. «Поднебесной метафорой действительности, метафорой любви, молодости и несбывшихся надежд» назвал Ю.Бондарев прозу и поэзию Бунина – «это как бы непрерывное движение от самого себя к родной и ставшей далекой российской земле, без которой не было бы ни художественного чародейства Бунина, ни его превосходных, написанных в эмиграции рассказов, этих непревзойденных шедевров, ни «Жизни Арсеньева» с его тоской по утраченной России, ни «Митиной любви» с его печалью по юности, ни его сердитой публицистики, в которой он не признавал и осуждал исторический пожар в России» [7; с. 44].

Исследователи творчества И.А.Бунина (В.Н.Афанасьев, А.К.Бабореко, И.П.Вантенков, А.А.Волков, Н.К.Гей, В.А.Гейдеко, Л.М.Грановская, Л.К.Долгополов, А.Измайлов, Л.В.Крутикова, В.В.Краснянский, В.В.Красноярский, Н.М.Кучеровский, В.Я.Линков, Н.М.Любимов, О.Н.Михайлов, В.Нефедов, Н.А.Николина, В.А.Приходько, В.С.Сидорец, И.Д.Стерлин и мн. др.) говорят о тесной связи природной лексики со спецификой мировосприятия Бунина, она, по мнению буниноведов, является одним из важнейших компонентов, составляющих языковую картину мира писателя. При изучении данной сферы как неотъемлемой части его идиостиля наиболее эффективным нам представляется применение системного и полевого подхода к исследованию художественных текстов, позволяющего выявить потенции языковых единиц, во всей полноте реализующихся в текстовых взаимосвязях.

Рассматривая с этих позиций состав и структурную организацию лексико-семантического поля (ЛСП) «Природа» в пространстве художественных текстов И.А.П.Бунина, отметим, что исследуемая языковая система характеризуется индивидуальной спецификой, представленной как на уровне парадигматических, так и синтагматических связей имен основных природных реалий, степень значимости которых зависит от частотности их воспроизведения и специфики использования языковых средств при описании окружающего мира.

В соответствии с принципом родовидовой организации единиц системы схема семантической сферы «Природа» имеет несколько уровней обобщения; при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается. Наблюдения показали, что самым важным ЛСП для репрезентации семантической сферы «Природа» в творчестве Бунина является микрополе «Времена года», которое делится на частные подмножества: слова с собственно-темпоральной семантикой: *весна, лето, осень, зима*, наименования месяцев (*январь, февраль* и т.д.), их дериваты (*весенний, летний, январский* и т.п.), названия «святых» дней, относящихся к тому или иному периоду года (*Сочельник, Рождество, Святки, Крещение* и др.), а также имена с несобственно-темпоральной семантикой, соотнесенной с природными явлениями (*листопад, метель, снег* и т.п.).

Анализ синтагматики имен природных реалий, а также метафорических высказываний как целостного образа позволил выявить комплексы индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих особенности эстетического освоения явлений природы в текстах Бунина. Наиболее значимые для репрезентации ЛСП «Природа» в произведениях данного автора

слова микрополя «Времена года» вступают в атрибутивно-предикативные сочетания, предопределяемые, в первую очередь, денотативным значением указанных имен (температурные признаки, наличие/отсутствие осадков, процессуальность и пр.), и, кроме того, актуализирующие различные образные представления автора и находящие множество субъективных интерпретаций, связанных со зрительными, звуковыми, физическими, психологическими ассоциациями автора.

В пространстве художественных текстов Бунина слова исследуемого ЛСП употребляются в прямом, денотативном значении достаточно часто, однако функции подобных слов не являются чисто информативными, т.к. они служат прежде всего средством композиционной организации предложения, средством раскрытия концептуального содержания всего произведения и отдельных его элементов. Информация о природном явлении становится актуальной по ходу развития сюжета, поскольку она представляется с позиции наблюдателя, который сам моделирует ту или иную ситуацию. Связь с миром носит опосредованный характер и проявляется через призму индивидуально-авторского мировосприятия.

При этом образность не всегда воплощается в специфических, тропеических средствах. «Безобразная образность» у И.А. Бунина может появляться и в результате актуализации у слова дополнительной периферийной семы, создающей особый психологический фон, на котором разворачиваются события в произведении (*прелесть весны, ее вечной юности; почувствовал очарование весны; темнота и пустынность мартовской ночи; солнечное царство летних дней; безнадежная грусть осени; уныние и сумрачность зимы* и др.).

Субъективное восприятие природы, как результат индивидуально-авторского отражения мира, реализуется в атрибутивной сочетаемости с прилагательными психического восприятия и восприятия с помощью различных органов чувств. Атрибутивная сочетаемость с этими прилагательными является неотъемлемой чертой художественной системы И.А. Бунина и характеризуется селективностью, избирательностью. В определении наиболее часто совмещаются элементы самых разных источников восприятия, которые образуют сложный тип семантических связей – синестетическую метафору: *Один из тех зимних мокрых дней, ледяных и темных. Когда кажется, что нет на свете города отвратительнее Москвы («Обреченный дом»); <...> прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! («Антоновские яблоки»); Долги, тяжки были дождливые осени, снежные зимы в Суходоле («Суходол»); <...> ночь летняя, свежая и лунная («Из записей»)*. Употребление подобных сочетаний обусловлено, на наш взгляд, не столько изобразительно-выразительными функциями, сколько оценочно-характеризующими, выражающими отношение Бунина к природе.

Индивидуальным восприятие природы писателем связано с предельно сильным ощущением красоты и одновременно трагизма земного бытия, что реализуется на уровне употребления им оксюморонов (*О, весна! Как сердце счастья просит!/ Как сладка печаль моя весной!* («За рекой луга зазеленели...»); <...> *и все это сливалось с непрерывным смутным шумом города, с дальним гулом трамваев, с рожками автомобилей, со всем тем, чем так беззаботно при всей своей озабоченности жил весенний Париж («Огонь пожирающий»)*). Такое совмещение противоречивых оттенков эмоций способствует созданию особой психологической точности при описании сложных внутренних состояний, особого внутреннего напряжения автора или персонажа.

Интересно отметить, что исследователи творчества Бунина указывают на общие для живописи Серебряного века и творчества Бунина эстетические принципы: восхищение видимой красотой мира, поиски гармонии в ее вещественном воплощении, взаимопроникновение реального и сказочно-мифологического. В связи с этим важным представляется замечание Т.М. Бонами о «слиянии» приемов описания в литературном произведении с приемами живописи. Т.М. Бонами, определяя бунинский стиль как «словесное живописание», видит истоки новой образности, прежде всего, в личностных

особенностях, врожденных задатках, свойствах творческой природы Бунина: его повышенной впечатлительности, редкой наблюдательности и зоркости [8].

Импрессионистический стиль становится для Бунина выражением феноменологического мироощущения. Чрезвычайную важность для него обретает сопричастность субъекта всему, что его окружает – природе, мирозданию, памяти, культуре. «Нет ничего в бытии, что внеположно субъективному восприятию, и все, что открывается в мире, открывается через сознание субъекта» [Бунин]. Синтетический образ реальности возникает благодаря способности творческой личности к синтетическому переживанию, восприятию мира в единстве и многообразии впечатлений. И.А.Бунин отличает слитное изображение явлений природы и восприятия их человеком (автором и персонажами), что проявляется в совмещении, переплетении и нераздельности этих планов, их гармонии, совпадении или несовпадении, контрасте. Для него характерно «панорамное» видение картин природы. В силу широты взгляда эти описания включают большое количество репрезентантов ЛСП «Природа» из разных микрополей, при этом лексем, представляющие одно семантическое поле, могут употребляться в переносном значении в качестве составляющих других полей, н-р: *День был жаркий, тихий. Он шел в сквозной тени аллеи и далеко видел вокруг себя кудрявые белоснежные ветви. Особенно силен, густ был цвет на грушах, и смесь этой белизны и яркой синевы неба давала фиолетовый оттенок. И груши и яблони цвели и осыпались, разрытая земля под ними была вся усеяна блеклыми лепестками. В теплом воздухе чувствовался их сладковатый, нежный запах вместе с запахом нагретого и преющего на скотном дворе навоза. Иногда находило облачко, синее небо голубело, и теплый воздух и эти тленные запахи делались еще нежнее и слаще. И все душистое тепло этого весеннего рая дремотно и блаженно гудело от пчел и шмелей, зарывавшихся в его медвяный кудрявый снег. И все время, блаженно скучая, по-дневному, то там, то здесь цокал то один, то другой соловей* («Митина любовь»).

Достаточно широко представлен в нашем материале образно-ассоциативный слой, реализующий «атрибутику» вербального пейзажа, при этом образы создаются как с помощью тропов и фигур (*Леса в жемчужном инее; <...> черно-зеленые, в белом сахаре, еловые леса* («Грибок»)), так и за счет актуализации периферийных сем в контексте. Чаще всего образы формируются на уровне предложения (*Золотистыми кострами пылали в лощинах лесочки <...> Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега, от блестящих, отшлифованных, как слоновая кость, ухабов дороги, глубоко дыша холодным воздухом, он шел и все любовался деревней* («Учитель»)).

Прием углубления семантики метафорического сочетания и усиления эмоционально-образного восприятия природы достигается писателем за счет цветовой характеристики слов рассматриваемого микрополя «Природа». По словам Н.К.Гея, «в художественной системе И.А.Бунина цвет имеет чрезвычайно большое смысловое наполнение, он является элементом мировоззрения автора. Для всего творчества И.А.Бунина характерно удивительное богатство цветового словаря, умение использовать мельчайшие оттенки цветов и их полутонов для передачи неповторимого состояния в природе или душе человека» [9; с. 357].

Сочетаемость с колоративными лексемами наряду с раскрытием объективной природы слов микрополя «Времена года» (например, *черная весенняя ночь; вечер теплого и серенького февральского дня*) отражает авторскую интерпретацию окружающего мира (например, *Синела дымка летних дней* («Моя печаль теперь спокойна»)) и имеет психологические мотивировки, при которых цветовая характеристика влияет на целостный результат художественного воздействия, выявляя глубокие смысловые ассоциации, например: *Осенний день в лиловой крупной зыби / Блистал, как медь* («В архипелаге»). И.Бунин представляет цветовые краски на фоне световых, акцентируя внимание на блеске, сверкании, сиянии, с одной стороны, и отблеске, мерцании с другой, в их взаимосвязи с цветовыми ощущениями он создает единую целостную картину цвето-светового

мировидения, например: *И станет блеклым золотом струиться/ Осенний день на лавку из окна («Рыбачка»).*

Показательно, что в художественной системе произведений Бунина цветовая семантика контекстуально разворачивается, детализируется и обыгрывается за счет подключения эмоционально-оценочной лексики, например: *Июль был мрачный – каждый день грозы, ливни: свинцовая чернота неба над жутко-белеющей Москвой, режущий блеск сургучных молний и ужасающие удары грома, от которых звенят стекла («Под серпом и молотом»); Над небом мертвенно-свинцовым /Угрюмо меркнет зимний день («Родина»).*

Анализ синтагматических связей имен природных реалий, а также метафорических высказываний как целостного образа позволил выявить комплексы индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих особенности эстетического освоения явлений природы. При этом внимание к отдельным ЛСП и средствам их лексической репрезентации в текстах Бунина, а также выявление их ассоциативно-смыслового взаимодействия позволяют реконструировать картину мира автора, специфика которой выявляется на уровне расширенного контекста, обеспечивающего дистантные связи и отношения ключевых лексем, а также учета имплицитных звеньев и дискурсивно-коннотативной информации, закодированной автором в тексте.

Сделанные наблюдения подтверждают мысли казанских лингвистов о системном характере языка как некой совокупности, элементы которой взаимосвязаны и значение которых определяется прежде всего их функционированием в том или ином контексте. Слово в пространстве художественных текстов приобретает в соответствии с когнитивно-дискурсивными интенциями писателя индивидуально-образные смыслы. Возникновение словесной образности сопровождается конструктивно значимыми семантическими изменениями, смещениями и приращениями при фоновом сохранении системного значения слова.

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. – Т. I-II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. II. – 391 с.
2. Общее языкознание (внутренняя структура языка) / Отв. ред. Б.А.Серебренников – М.: Изд-во Наука, 1972. – 565 с.
3. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Импер. Казан. ун-та. – Казань, 1883. – Т. XIX. – Январь-Апрель. – 148 с. [Приложение с отдельной пагинацией].
4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений).- Казань: Типо-литография императорского университета, 1913. - 553 с.
5. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. – № 1 (23). – 2011. – С. 114-119.
7. Бондарев Ю. В наши дни окаянные (к 125-летию со д.р. И.А.Бунина)/ Ю.Бондарев, А.Ларионов //Слово. – 1994. – №9-10. – С. 33-43.
8. Бонами Т.М. Художественная проза Бунина. 1887–1904. – Владимир, 1962. – 108 с.
9. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. – М.: Наука, 1975. – 472 с.

References

1. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics. – T.I-II. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. – T. II. – 391 p.
2. General Linguistics (internal structure of language) / Ed. Ed. B.A.Serebrennikov – Moscow: Publishing House of Science, 1972. – 565 p.

3. Krushevskiy N.V. Essay on the Science of Language // Math. and scientists. app. Imp. Cauldron. University. - Kazan, 1883. - T. XIX. - January-April. - 148 p.
4. Bogoroditsky V.A. General course of Russian grammar (from university readings.) - Kazan: Frame lithography Imperial University, 1913. - 553 p.
5. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth. - Moscow: Mosk. University Press, 1982. - 480 p.
6. Alefirenko N.F. Event-Synergetics of text implicitness in lingvopoetic lighting // Bulletin TSHPU. - № 1 (23). - 2011. - S. 114-119.
7. Bondarev Yuri. Today damned (the 125th anniversary of I.A.Bunin date of birth) / Yu.Bondarev, A.Larionov // Word. - 1994. - № 9-10. - S. 33-43.
8. Bonami T.M. Bunin's prose. 1887-1904. - Vladimir, 1962. - 108 p.
9. Gay N.K. Fiction. Poetics. Style. - Moscow: Nauka, 1975. - 472 p.